

© 2022. М. А. Можарова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия

© 2022. А. В. Син

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия

«У нас дома все говорили “Левин”»: о произношении фамилии героя романа «Анна Каренина» в семье Л. Н. Толстого

Аннотация: Статья посвящена вопросу о правильном произношении фамилии Константина Левина — героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». По свидетельству младшей дочери писателя А. Л. Толстой и его правнука И. В. Толстого, сам Толстой и все члены его семьи говорили «Левин». Эта традиция и поныне сохраняется в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве и Музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Кроме устной традиции, существует также письменная традиция, идущая от самого Л. Н. Толстого. Рукописи романа «Анна Каренина» позволяют убедиться в том, что и Л. Н. Толстой, и С. А. Толстая, и все другие копиисты писали только «Левин», при этом буква «ё» использовалась ими в необходимых случаях. Так же писал и Н. Н. Страхов, помогавший Л. Н. Толстому готовить первое отдельное издание романа «Анна Каренина» (1878). Традиция написания фамилии героя «Левин» отражена во всех прижизненных и посмертных изданиях романа «Анна Каренина» на русском языке, а также в переводах романа на иностранные языки. Противоречит этой традиции написание «Лёвин», встречающееся в двух частных письмах современников Л. Н. Толстого (И. С. Аксакова и К. Н. Леонтьева), не входивших в близкий круг писателя, а также точка зрения В. В. Набокова, утверждавшего, что Л. Н. Толстой произвел фамилию героя от своего домашнего имени Лёв.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман «Анна Каренина», Константин Левин, текстология, художественный образ, прототип, история текста, традиция.

Информация об авторах: Марина Анатольевна Можарова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9925-5585>

E-mail: mar-mozharova@yandex.ru

Анастасия Владимировна Син, старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), филиал «Стрела», Россия, 140181 Московская обл., г. Жуковский, ул. Жуковского, д. 8. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5721-2122>

E-mail: a_cin@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.11.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.01.2022

Дата публикации статьи: 05.04.2022

Для цитирования: Можарова М. А., Син А. В. «У нас дома все говорили “Левин”»: о произношении фамилии героя романа «Анна Каренина» в семье Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 1. С. 202–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-202-227>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 1, 2022, pp. 202–227. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 1, 2022, pp. 202–227. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Marina A. Mozharova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

© 2022. Anastasia V. Sin

Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, Russia

“In Our Home Everyone Said *Lévin*”: on the Pronunciation of the Surname of *Anna Karenina*’s Character in L. N. Tolstoy’s Family

Abstract: The article deals with the issue of correct pronunciation of the surname of Konstantin Levin — a character from L. N. Tolstoy’s novel *Anna Karenina*. According to the writer’s youngest daughter A. L. Tolstaya and his great grandson I. V. Tolstoy, the author of the novel and all his family pronounced it like “Lévin.” This tradition is currently preserved in the L. N. Tolstoy State Museum in Moscow and in L. N. Tolstoy Museum-Estate ‘Yasnaya Polyana’. Apart from the spoken tradition there is also a written tradition originated from L. N. Tolstoy himself. Manuscripts of *Anna Karenina* attest to the fact that L. N. Tolstoy, S. A. Tolstaya and all other copyists always wrote “Levin,” letter “ë” (“yo”) being used in necessary cases. N. N. Strakhov who helped L. N. Tolstoy prepare the first separate edition of *Anna Karenina* (1878) wrote in the same manner. The tradition of spelling the surname of the character as “Levin” is registered in all lifetime and posthumous editions of *Anna Karenina* as well as in translations into foreign languages. However there is a contradiction in spelling “Lyovin” in two private letters of L. N. Tolstoy’s contemporaries (I. S. Aksakov and K. N. Leontiev), who were not in his inner circle, and a viewpoint of V. V. Nabokov claiming that L. N. Tolstoy derived the character’s surname from his own name Lyov used at home.

Keywords: L. N. Tolstoy, the novel *Anna Karenina*, Konstantin Levin, textual criticism, artistic image, prototype, text history, tradition.

Information about the authors: Marina A. Mozharova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9925-5585>
E-mail: mar-mozharova@yandex.ru

Anastasia V. Sin, Senior Lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University), branch “Strela”, Zhukovsky st., 8, 140181 Moscow region, Zhukovsky, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5721-2122>

E-mail: a_cin@mail.ru

Received: November 10, 2021

Approved after reviewing: January 16, 2022

Published: April 05, 2022

For citation: Mozharova, M. A., Sin A.V. “In Our Home Everyone Said *Lévin*”: on the Pronunciation of the Surname of *Anna Karenina*’s Character in L. N. Tolstoy’s Family.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 1, 2022, pp. 202–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-202-227>

Жарким июльским вечером 1968 г. в самой большой аудитории Йельского университета, переполненной слушателями, выступила Александра Львовна Толстая — младшая дочь Л. Н. Толстого. Тема ее выступления была традиционной — «Толстой — мой отец». Лекция, как и всегда, имела огромный успех, чему в немалой степени способствовал внешний облик 84-летней женщины, пренебрегшей подготовленными для нее кафедрой и микрофоном и произнесшей часовую речь без единой заминки и конспекта. Организатором этого мероприятия был Alexis Klimoff (Алексей Евгеньевич Климов)¹, преподававший русский язык на летних языковых курсах Йельского университета. В его обязанности входило также приглашение докладчиков, которые могли бы выступить по теме, связанной с Россией или Советским Союзом. К величайшей радости организатора, А. Л. Толстая, жившая в Америке с 1931 г. и создавшая в память о своем отце в 1939 г. Толстовский благотворительный фонд, ответила согласием на приглашение в Йельский университет.

Александра Львовна Толстая. 1973 г.

¹ А. Е. Климов родился в 1939 г. в Риге, в 1944 г. семья Климовых покинула родину.

После выступления, в беседе с А. Л. Толстой за чашкой чая, А. Klimoff затронул волновавшую его тему неопределенности в отношении произношения фамилии героя романа «Анна Каренина» — Константина Левина. Почитателя творчества Толстого очень беспокоили появившиеся как в России, так и на англо-говорящем Западе попытки заменить традиционное произношение «Левин» на «Лёвин». Реакция А. Л. Толстой на это сообщение была очень эмоциональной. Об этом А. Klimoff рассказал в своей статье «Is it “Lévin” or “Lëvin”?»: «She was surprised to hear of it. “U nas doma vse govorili ‘Lévin’ (In our home everyone pronounced it ‘Lévin’), she said, emphasizing the initial two words in a way that suggested a touch of annoyance» <«Она была очень удивлена, услышав об этом. “У нас дома все говорили «Левин», — сказала она, ударяя на первые два слова так, что был слышен оттенок досады»> [Klimoff: 110].

Анализируя причины возникающих время от времени разногласий по этому поводу, А. Klimoff в своей статье указывает на краткую заметку Н. О. Лернера, опубликованную в 1921 г., как на наиболее яркую попытку приписать Толстому произношение «Лёвин» <“the most explicit attempt to attribute the ‘Lëvin’ type of pronunciation to Tolstoy”> [Klimoff: 108]. В связи со статьей К. Н. Леонтьева «О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние (критический этюд)» Н. О. Лернер сообщил, что в одной из букинистических лавок Петрограда он случайно наткнулся на «валяющуюся в груде хлама тетрадку в синей обложке», которая оказалась «аккуратно сброшюрованными вырезками из “Русского вестника” 1890 г. (№ 6, 7 и 8), содержащими текст статьи Леонтьева и испещренными поправками и приписками самого автора» [Лернер: 119]. Среди этих поправок Лернер отметил «одну интересную деталь», а именно: «Всюду в статье толстовский Левин пишется “Лёвин”», — и сопроводил ее своим комментарием: «Так, несомненно, произносил и Толстой, с которым Леонтьев не раз встречался и беседовал и так слышал это имя от самого автора “Анны Карениной”» [Лернер: 120]. Сообщение Н. О. Лернера о рукописных поправках, внесенных в печатный текст «Русского Вестника», весьма интересно, однако необходимо отметить, что «Лёвина» нет ни в одной из публикаций этой работы К. Н. Леонтьева, включая первую журнальную.

По поводу этой заметки Н. О. Лернера А. Klimoff пишет: “Lerner’s use of the adverb ‘undoubtedly’ (nesomnenno) reveals the hypothetical nature of the case he makes for the ‘Lëvin’ format. Because Leont’ev must have heard

Tolstoy pronounce the name in that particular way, Lerner argues, he must have reproduced it in Tolstoy's manner. Both propositions surely invite scepticism, especially in view of the fact that the meetings between Tolstoy and Leont'ev were both rarer and less friendly than Lerner's formulation suggests. <...> It of course remains perfectly possible that the name Levin/Lëvin could have been mentioned at one or more of these occasions, but there is absolutely nothing in the available record that could give credence to Lerner's conclusions" ««Использование Лернером наречия “несомненно” обнаруживает гипотетическую природу доказательства употребления формы “Лёвин”. Лернер утверждает, что Леонтьев воспроизводит произнесение фамилии так, как слышал от самого Толстого. Оба положения вызывают немалый скептицизм, особенно ввиду того факта, что встречи Леонтьева и Толстого были более редкими и менее дружескими, чем то вытекает из формулировки Лернера. <...> Вполне возможно, что имя Левин/Лёвин упоминалось во время одной или более из этих встреч, но в доступных записях нет абсолютно ничего, что могло бы оправдать умозаключения Лернера»> [Klimoff: 108–109].

Говоря о характере отношений Л. Н. Толстого и К. Н. Леонтьева, А. Klimoff отсылает читателей к воспоминаниям Г. А. Русанова, беседовавшего с Толстым о Леонтьеве в 1883 г. в Ясной Поляне. «Я знаю Леонтьева, — говорил Толстой, — он раза два был у меня в Москве, и мы не очень, кажется, понравились друг другу. Он не глуп, но я не мог говорить с ним. Он все говорит сам и беспрестанно перепрыгивает с предмета на предмет, не дает высказаться, а я люблю, если говорить, то говорить доказательно, чтоб я мог высказать свою мысль» [Русанов: 301]. Это лишь один из отзывов Толстого о Леонтьеве, передающий атмосферу их бесед. Вообще же тема взаимоотношений и творческих контактов двух писателей давно привлекает внимание исследователей и включает в себе довольно обширную проблематику [Упоров: 269–277]. Не имея возможности в рамках настоящей статьи даже кратко обрисовать все аспекты этой темы, обратимся лишь к одному и них, касающемуся мнения Леонтьева о Толстом и его героях. В письме к В. В. Розанову от 18 октября 1891 г. К. Н. Леонтьев писал: «...именно Вронский-то для меня прост и естествен; всех “изломаннее” в “Анне Карен<иной>” — это Лёвин. Одно это искание меня бесит... “Искатели” должны быть *редки* и *велики* умом. И тогда они стоят внимания. Так и было в старину, — а теперь этих вредных искателей, как собак, и кро-

ме ненужных страданий и вреда — от этого ничего не выходит. <...> Кстати, скажите: который из двух героев романа “Ан<на> Кар<енина>”, в случае религиозного переворота, стал бы *просто православным*; ездил бы к отцу Амвросию или даже стал бы примерным монахом. — Конечно, *Вронский*, а не несносный этот Лёвин (такой же *противный* лично, как сам Лев Ник<олаевич>)» [Розанов и Леонтьев: 303, 304].

В этих словах К. Н. Леонтьева отчетливо слышны отголоски его разговора с Толстым, состоявшегося в 1890 г. в Оптиной пустыни. Побывав у старца Амвросия, Толстой навестил Леонтьева, жившего возле монастыря. Оптинский летописец сообщает, что, когда разговор коснулся старца Амвросия — духовного наставника Константина Николаевича, — Толстой произнес: «Он преподает Евангелие, только не совсем чистое, а вот — мое евангелие». При этом Лев Николаевич вынул из своего кармана книжку и подал ее Леонтьеву. «Тут Леонтьев не сдержал себя, вспыхнул и сказал: “Как это возможно, чтобы здесь в Пустыни быть, — где такой старец, как о. Амвросий, и говорить о *своем* евангелии?”» [Вытropsкий: 175].

Трагизм религиозных исканий Толстого, движение которых полностью соответствовало сформулированному им самим закону «гармонического колебания» [Можарова 2021: 76], был вполне очевиден Леонтьеву. Во внутренней жизни толстовского героя Константина Левина тоже происходила постоянная борьба разума с сердечным стремлением к вере, и он тоже «не переставая искал» [Толстой Л. Н. 1939: 563]. Мировоззренческая же позиция Леонтьева находилась «на противоположном полюсе от толстовской “переменчивости”» [Упоров: 276], и этим, прежде всего, объясняется столь эмоциональная и гневная характеристика, данная им Толстому и его герою. Только стремлением еще больше сблизить автора и героя, произведя его фамилию от домашнего имени Льва Толстого — Лёв, а не тем, что сам Толстой так произносил ее, можно объяснить допущенную Леонтьевым филологическую «вольность» — переименование Левина в Лёвина.

Тем же стремлением подчеркнуть близость Толстого и Константина Левина можно объяснить появление «Лёвина» в письме другого современника Толстого — И. С. Аксакова. Восхищаясь художественными достоинствами «Анны Карениной», он спрашивал у Ю. Ф. Самарина в письме от 10 марта 1876 г., читает ли он в «Русском вестнике» продолжение романа Толстого: «В февральской части есть места превосход-

ные, выходящие вон из ряду обычных его достоинств <...> весь эпизод любви взаимной Лёвина и Кити — поэтичен, прелестен и оставляет в душе долгий ароматический след» [Переписка: 323, 324].

В завершение обзора случаев отступления от традиционного написания фамилии толстовского героя, относящихся к XIX в., укажем на изданное в Праге в 1894 г. учебное пособие, на титульном листе которого значится: «Русская хрестоматия <так!>. С русско-чешско-сербским словоуказателем». В богатейшем собрании Яснополянской библиотеки этой книги нет, как нет и подтверждений тому, что Толстой мог видеть ее. В хрестоматию включены стихотворения и отрывки из прозаических произведений русских поэтов и писателей. Творчество Толстого представлено двумя главами (XI и XII) из третьей части «Анны Карениной» [Русская хрестоматия: 161–167], при этом источник, по которому печатается текст романа, не указан. Цель этого издания обозначена во «Введении» — «облегчить первое ознакомление с русским языком и литературой» [Русская хрестоматия: I]. Очевидно, что выдавать это учебное пособие за авторитетное прижизненное издание «Анны Карениной», каковым оно представляется некоторым современным сторонникам переименования Левина в Лёвина, по меньшей мере ошибочно.

Попытки ввести «Лёвина» в литературный и научный обиход продолжились в XX в. А. Klimoff в своей статье уделяет внимание позиции В. В. Набокова, использовавшего в «Лекциях по русской литературе» только один вариант фамилии толстовского героя — Lyovin — и объяснившего это в комментариях так: “Tolstoy wrote ‘Levin’, deriving the surname of this character (a Russian nobleman and the representative of a young Tolstoy in the imaginary world of the novel) from his own first name ‘Lev’ <...>. Tolstoy pronounced his first name <...> as ‘Lyov’ instead of the usual ‘Lyev’. I write ‘Lyovin’ instead of ‘Levin’, not so much to avoid any confusion (the possibility of which Tolstoy apparently did not realize) with a widespread Jewish surname of a different derivation, as to stress the emotional and personal quality of Tolstoy’s choice” <«Толстой писал “Левин”, образовав фамилию своего героя (русского дворянина, прототипом которого послужил молодой Толстой) от своего собственного имени “Лев” <...>. Толстой произносил свое имя <...> как “Лёв” вместо обычного “Лев”. Я пишу “Лёвин” вместо “Левин” не столько для того, чтобы избежать путаницы (возможность которой Толстой, по-видимому, не осознавал) с широко распространенной еврейской фамилией

Графъ Лёвъ Николаевичъ Толстой

род. 1828.

ИЗЪ РОМАНА АННА КАРЕНИНА

томъ II, часть III, главы XI и XII.

XI.

Въ половинѣ іюля къ Лёвину явился староста сестриной деревни, находившейся за-двадцать вёрстъ отъ Покровскаго, съ отчётомъ о ходѣ дѣлъ и о покосѣ. Главный доходъ съ имѣнія сестры получался за заливные луга. Въ прежніе годя покосы разбирались мужиками по двадцати рублѣй за десятину. Когда Лёвинъ взялъ имѣнье въ управленіе, онъ, осмотрѣвъ покосы нашёлъ, что они стоятъ дороже, и назначилъ цѣну за десятину двадцать пять рублѣй. Мужики не-дали этой цѣны и, какъ подозрѣвалъ Лёвинъ, отбили другіхъ покупателей. Тогда Лёвинъ поѣхалъ туда самъ, и распорядился убирать луга частію наймомъ, частію изъ доли. Свои мужики прецѣтствовали всѣми средствами этому нововведенію, но дѣло пошло и въ первый же годъ за луга было вѣручено почти вдвое. Въ третьемъ и прошломъ году продолжалось то-же противодействие мужиковъ и уборка шла тѣмъ-же порядкомъ. Въ нѣнѣшнемъ году мужики взяли всѣ покосы изъ третьей доли, и теперь староста пріѣхалъ объявить, что покосы убраны, и что онъ, побоявшись дождя пригласилъ конторщика, при нёмъ раздѣлил и сметалъ-уже одиннадцать господскихъ стоговъ. По неопредѣленнымъ отвѣтамъ на вопросъ о томъ, сколько было сѣна на главномъ лугу, по послѣдшности старосты, раздѣлившаго сѣно безъ спросу, по всему тону мужика, Лёвинъ понялъ, что въ этомъ дѣлѣжѣ сѣна что-то не чисто, и рѣшился съѣздить самъ повѣрить дѣло.

иноного происхождения, сколько для того, чтобы подчеркнуть эмоциональную составляющую личного выбора Толстого»> [Nabokov: 135].

Разбирая высказывания Набокова, А. Klimoff пишет: “Nabokov is tacitly acknowledging that Tolstoy’s own pronunciation had probably been ‘Lévin’, but he asserts — with typical Nabokovian hubris — that ‘Lëvin’ (‘Lyovin’) is a better choice” <«Набоков неявным образом признает, что сам Толстой, возможно, произносил “Левин”, но он — с типичным набоковским самомнением — утверждает, что лучше выбрать “Лёвина”»> [Klimoff: 109]. Что же касается возможной путаницы с еврейской фамилией, то здесь А. Klimoff отмечает, что «в отношении русской ономастики Набоков не совсем точен» [Klimoff: 109], и, возражая ему, говорит, что «чувствительности или небезопасности темы еврейства» по всей видимости просто не было у автора «Анны Карениной» [Klimoff: 110]. Добавим к сказанному, что в составленной князем П. В. Долгоруковым «Российской родословной книге» род Левиных присутствует в перечне дворянских фамилий, существовавших в России прежде 1600 г. [Долгоруков: 25].

В отечественном литературоведении XX в. тоже можно отметить попытки отказа от существующей традиции и введения в научный обиход фамилии «Лёвин». Так, Н. Н. Арденс (1890–1974), посещавший Ясную Поляну в 1909 г., в труде «Творческий путь Л. Н. Толстого» (1962) сопроводил свои размышления о Константине Левине подстрочным примечанием: «С. А. Толстая, а вместе с ней и Т. Л. Толстая-Сухотина, утверждали, что фамилию “Левин” Толстой произносил “Лёвин”: он произвел ее от своего имени “Лёв Николаевич” и вовсе не имел в виду распространенную фамилию “Левин”» [Арденс: 318]. Это сообщение Н. Н. Арденс, к сожалению, не подкрепил ни одной ссылкой на какое-либо письменное свидетельство, хотя известно, что он вел переписку с С. А. Толстой и ее сестрой Т. А. Кузминской. Что же касается его замечания о распространенности фамилии «Левин» и явного желания отстранить от нее толстовского героя, то причину этого явления точно обозначил А. Klimoff: “In general it would seem that the form ‘Lévin’ has been preferred mainly for its ethnically unproblematic nature” <«В общем, создается впечатление, что форма “Лёвин” была предпочтительна благодаря отсутствию проблем в этническом плане»> [Klimoff: 109].

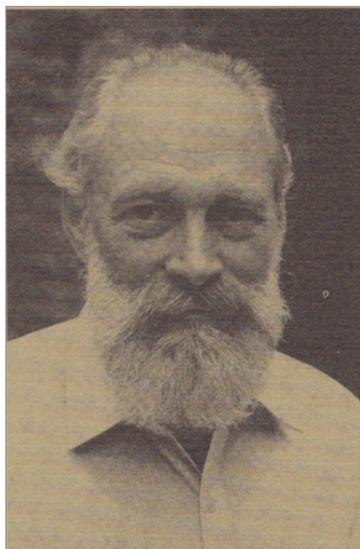
Бездоказательное утверждение, умаляющее труд ученого, встречаем и в комментарии С. Г. Бочарова (1929–2017) к отдельному изданию

«Анны Карениной» (1999). Указав на «прототипическую основу» романа, он отметил, что она «главным образом связана с Левиным, самая фамилия которого — не Левин, а Лёвин — выдает автобиографические черты в герое» [Толстой Л. Н. 1999: 700].

И уж совсем революционным выглядит призыв В. Т. Чумакова в его книге «Ё в имени твоём» (2004): «...уж столько копий сломано в связи с ошибкой, обосновавшейся в романе Льва Толстого “Анна Каренина”. Все вроде согласны, что не может русский дворянин носить еврейскую фамилию Левин. Лёв Толстой дал ему фамилию, взятую от своего имени Лёва — Лёвушка. Об этом имеются свидетельства родственников графа, например его внука и правнуков. Хотелось бы надеяться, что в следующем издании романа ошибка будет исправлена» [Чумаков: 20].

Высказывание В. Т. Чумакова — яркая иллюстрация ошибочного направления мысли, логической ловушки, в которую попадают желающие переименовать Левина в Лёвина только на том основании, что в семье и в кругу близких друзей к Толстому обращались «Лёвушка» и «Лёв Николаевич». Действительно, существуют многочисленные мемуарные и эпистолярные свидетельства, подтверждающие этот факт. Но из них не следует, что вследствие этого герой романа обязательно должен носить фамилию Лёвин. Сторонники этой ложной версии игнорируют свидетельства тех же самых мемуаристов о том, что сам Толстой и близкие ему люди произносили «Левин». Как тут не вспомнить оттенок досады в голосе А. Л. Толстой, произнесшей чеканную фразу с ударением на первых двух словах: «У нас дома все говорили “Левин”». На вопрос о том, как правильно произносить фамилию толстовского героя, не раз приходилось отвечать и правнуку Л. Н. Толстого — Илье Владимировичу Толстому (1930–1997). В своей книге «Свет Ясной Поляны» (1986) он дал прямой ответ на этот вопрос — следует говорить «Левин», а не «Лёвин», «на что и указывал сам Лев Николаевич, когда его об этом спрашивали» [Толстой И. В.: 56].

История создания «Анны Карениной» в большей или меньшей степени отразилась в воспоминаниях жены и детей писателя. Казалось бы, такая важная деталь, как произношение имени героя, столь близкого автору, должна была быть упомянута хотя бы раз в их мемуарах. Однако ни у кого из родных или тех, кто входил в окружение Толстого, ничего не сказано о «Лёвине», и прежде всего у С. А. Толстой, рукой которой переписано огромное количество листов автографов и

Илья Владимирович Толстой

рукописей романа. Она не упоминает об этом ни в своих дневниках [Толстая С. А. 1978], ни в книге воспоминаний «Моя жизнь» [Толстая С. А. 2011].

Изучение творческой истории «Анны Карениной», как и любого другого художественного произведения, включает в себя рассмотрение проблемы прототипов. Это направление исследования позволяет заглянуть в творческую лабораторию писателя, провести параллели между действительностью и миром, созданным воображением художника. Результатом изысканий может быть радостная находка, и даже научное открытие. Но не исключено и попадание в логический тупик, обрекающий исследователя или читателя на ложные выводы. Становясь в полном смысле рабами своих идей, ориентируясь только на внутренний «компас», такие исследователи перестают прислушиваться к автору, не идут за ним, а дерзают додумывать за него, пытаются «усовершенствовать» созданное им художественное произведение. Увы, именно это происходит с теми, кто на основании сходства Толстого с Константином Левиным приходит к полному отождествлению автора с героем и наделяет последнего новой фамилией. Печальным результатом такого осмысления образа становится разрушение

художественной ткани романа. К примеру, сразу же возникает вопрос: если причиной переименования Константина Левина в Лёвина является то, что он — alter ego автора и, по мнению литературных реформаторов, даже фамилия его должна указывать на это, то почему Николай Левин, прообразом которого был брат Толстого Дмитрий Николаевич, тоже должен превратиться в Лёвина?

Старший сын Толстого Сергей Львович в статье «Об отражении жизни в “Анне Карениной”» писал: «Энергичная, сильная, некрасивая фигура Левина, его парадоксы, его склонность восставать против общепризнанных авторитетов, его искренность, отрицательные отношения к земству и суду, увлечение хозяйством, отношения с крестьянами, разочарование в науке, обращение к вере и многое другое <...> все это может быть с полным правом отнесено к самому Толстому. Это как бы плохой фотографический портрет Льва Николаевича 70-х годов. Но так же, как фотография улавливает лишь один момент изображаемого лица, так в переживаниях Левина отобразился лишь один период жизни Толстого. И в этой фотографии нет главного, что отличает Толстого от Левина, — нет творчества Толстого» [Толстой С. Л. 1939: 571]. Ту же мысль С. Л. Толстой высказал в книге воспоминаний «Очерки былого»: «...в “Анне Карениной” действующие лица не совсем те, которые жили на самом деле. Они только похожи на них. <...> Константина Левина отец очевидно списал с себя, но он взял только часть своего “я”, и далеко не лучшую часть» [Толстой С. Л. 1965: 54].

А. Л. Толстая в своей книге «Отец. Жизнь Льва Толстого» тоже отметила автобиографические черты Толстого в Константине Левине, объяснив при этом, как писатель создавал свои художественные образы: «Часто читатели задают себе вопрос: кто — кто? в романах Толстого. Как всегда, герои Толстого — характеры собирательные, зародившиеся в его воображении из нескольких типов, которых он встречал в жизни и дополненные его воображением» [Толстая А. Л.: 208].

Сын Толстого Илья Львович, говоря о прототипах, нарисовал яркий портрет Льва Николаевича, лишь отчасти напоминающий образ Константина Левина: «По своему рождению, по воспитанию и по манерам отец был настоящий аристократ. Несмотря на его рабочую блузу, которую он неизменно носил, несмотря на его полное пренебрежение ко всем предрассудкам барства, он барином был, и барином он остался до самого конца своих дней.

Литературные критики любят видеть его автопортрет в Пьере Безухове и в Левине.

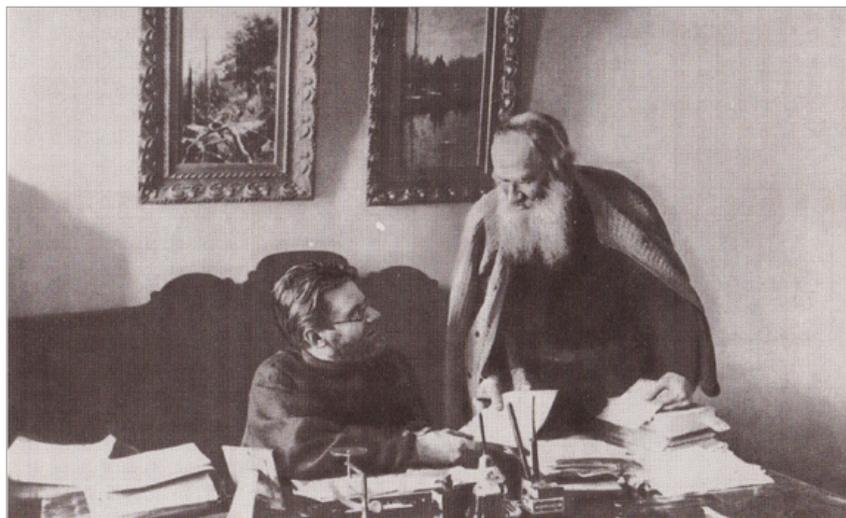
Как он всегда раздражался, когда его спрашивали, правда ли, что он в Левине описал себя!

Он говорил, что тип создается писателем из целого ряда лиц, и поэтому он никогда не может и не должен быть портретом определенного человека». [Толстой И. Л.: 56].

В подтверждение сказанного Илья Львович привел слова Толстого из письма к Луизе Ивановне Волконской, черту внешности которой он изобразил в портрете «маленькой княгини» Лизы. Л. И. Волконская, узнав себя в героине «Войны и мира», задала Толстому вопрос: кто же князь Андрей? В ответ Лев Николаевич написал: «..спешу сделать для вас невозможное, т. е. ответить на ваш вопрос. Андрей Болконский — никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить» [Толстой Л. Н. 1953: 80]. Как видим, реакция Толстого на вопрос, себя ли он описал в Левине, была столь же эмоциональной, как и у его дочери Александры Львовны, когда ее спросили о «Лёвине».

Какими бы благими намерениями ни руководствовались исследователи и издатели Толстого, им необходимо помнить незывлемое правило: «Нельзя оставить за переписчиком или редактором привилегию “улучшать” гениальные творения» [Гудзий, Жданов: 237]. Ту же мысль прекрасно выразил А. А. Фет, часто гостивший в Ясной Поляне в период работы Толстого над «Анной Карениной». В его незавершенной статье «Что случилось по см<ерти> Анны Кар<ениной> в “Русск<ом> в<естнике>»» есть важное предостережение: «мы не вправе подкладывать под фигуры живописца свой фон, хотя бы он, как у Перуджино (древних иконописцев), был золотой» [Фет: 311].

Примеров вдумчивого, осторожного подхода к художественным текстам Толстого можно привести немало. Так, А. Klimoff рассказывает об Э. Мооде (Aylmer Maude, 1858–1938) — биографе Толстого и одном из первых и лучших его переводчиков на английский язык. Работая над биографией писателя, Э. Моод убедил Толстого просмотреть некоторые ее разделы, а большую часть остальных проверил с Софьей Андреевной. При переводе художественных текстов Э. Моод был чрезвычайно скрупулезен в передаче правильного произношения русских имен.

Л. Н. Толстой и Н. Н. Гусев

Например, он записал: “Lyóf”, “Ogaryóf”, “Syómka”, и что чрезвычайно важно — “Lévin” [Klimoff: 110]. В 1898 г. Толстой писал Мооду: «Лучшего переводчика я не желаю и по вашему знанию обоих языков и по вашей строгости к себе во всяком случае» [Толстой Л. Н. 1954: 520]. Перевод романа «Анна Каренина», выполненный Э. Моодом совместно с женой Луизой, переиздается уже более ста лет [Anna Karenina 2017]. Столь же высокими достоинствами обладает и перевод Констанции Гарнет (Constance Garnett), в котором, как и в переводе Моода, сохранено написание «Levin» в строгом соответствии с авторской волей [Anna Karenina 1933]. Современные англоязычные исследователи творчества Толстого тоже остаются верны классической традиции в отношении написания фамилии толстовского героя [Thorlby].

Некоторый простор для размышлений в отношении фамилий Левин и Лёвин оставил биограф и исследователь творчества Толстого Н. Н. Гусев (1882–1967), бывший в 1907–1909 гг. личным секретарем писателя, а впоследствии организатором и сотрудником Государственного музея Л. Н. Толстого, сменившим в 1825 г. на посту директора старшую дочь писателя Т. Л. Толстую.

Работая в 1960-х гг. над очередным томом «Материалов к биографии» Толстого и изучая в связи с этим историю создания романа «Анна

Л. Д. Громова-Опульская и Н. Н. Гусев. 1963 г.

Каренина», Н. Н. Гусев рассмотрел последовательно варианты фамилии толстовского героя: Ордынцев, Ленин, Левин, — и задался вопросом: «Откуда возникли эти фамилии героя Толстого?» В отношении фамилии Ленин Николай Николаевич предположил, что она могла появиться путем усечения начальной буквы «О» в фамилии Оленин (главный герой «Казачков»). Фамилия Левин, по словам Гусева, «образовалась или путем изменения одной буквы в прежней фамилии — Ленин, или же была произведена от имени автора — Лев или Лёва. В таком случае надо произносить — Лёвин. Сам Толстой, следуя народному произношению, выговаривал свое имя — “Лёв”; так же произносили его имя жена Софья Андреевна, сын Сергей Львович и В. Г. Чертков. <...> Однако, принимая во внимание иностранное происхождение имени “Лев” и широкое распространение этого имени в европейских странах (Leo, Léon, Leone), можно считать допустимым и произношение Левин (без ё). Многие друзья Толстого, как Н. Н. Страхов, П. И. Бирюков, И. И. Горбунов-Посадов, называли его Лев Николаевич, а не Лёв Николаевич» [Гусев: 296].

Отчего у Н. Н. Гусева не было определенного ответа на этот важный вопрос? Отчего он прямо не указал, как произносил фамилию своего героя сам Толстой? Ответ находим в записях яснополянского врача Д. П. Маковицкого, который 11 марта 1908 г. отметил в своем дневнике:

Л. Д. Громова-Опульская в Толстовском фонде. США

«Вчера я услышал от Софьи Андреевны, что Гусев не читал ни “Войны и мира”, ни “Анны Карениной”. Гусев объяснил это тем, что ему некогда их читать и не нужно, когда есть “Круг чтения”, зато он знает “Круг чтения” основательно» [Маковицкий: 28]. Эта запись объясняет, почему Николаю Николаевичу, в молодые годы мало интересовавшемуся художественным творчеством Толстого, впоследствии пришлось проделывать титаническую исследовательскую работу при подготовке его фундаментальных трудов о Толстом.

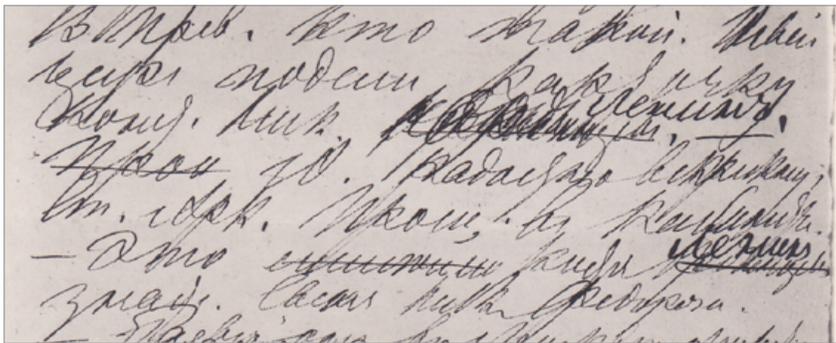
Хотя размышления Гусева о фамилии героя «Анны Карениной» не завершились однозначным ответом, необходимо помнить о его участии в подготовке многих изданий, в том числе Юбилейного 90-томного собрания сочинений Толстого. Результаты этой работы показывают, что как исследователь Николай Николаевич был чрезвычайно осторожен и строг, избегал категоричных выводов, если не располагал полным объемом информации. Свой богатейший опыт работы с наследием Толстого он передал ученикам, в числе которых была и Л. Д. Громова-Опульская (1925–2003), ставшая ученым-толстоведом и текстологом мирового уровня.

В последние годы жизни Л. Д. Громова-Опульская работала с рукописями «Анны Карениной», готовя публикацию романа в академическом Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах. На заседании

Общества любителей российской словесности, проходившем в Толстовском музее 28 октября 2003 г., ей был задан вопрос о Левине/Лёвине. Лидия Дмитриевна ответила: «Я все-таки говорю “Левин”, а не “Лёвин”» — и добавила, что для окончательного разрешения этого вопроса необходимо изучить «все рукописи» романа «Анна Каренина» и убедиться в том, что «Толстой нигде не написал “Лёвин”» [Громова-Опульская: 7].

Изучение рукописного фонда романа «Анна Каренина» показало, что ни Л. Н. Толстой, ни С. А. Толстая, больше всех трудившаяся над переписыванием автографов, ни другие копиисты, помогавшие Льву Николаевичу, — никто из них ни разу не написал «Лёвин». От самых ранних набросков романа до последней авторской правки в печатном тексте «Русского вестника», послужившего наборной рукописью для отдельного издания романа в 1878 г., — только «Левин».

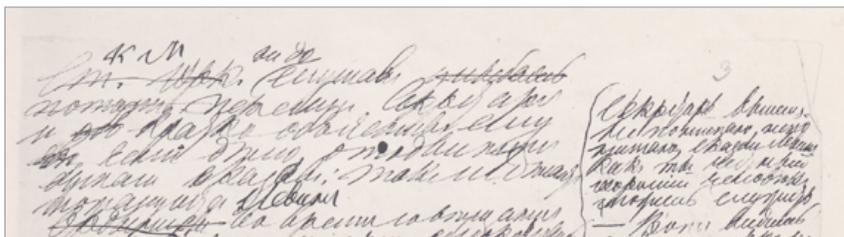
По черновым рукописям можно проследить, как Толстой искал фамилию для своего героя, какие варианты были им отвергнуты. Обратимся к одному из ранних автографов романа, который датируется серединой октября 1873 г. [Описание: 194]. На представленном фрагменте автографа (рук. 12, л. 1 об.) хорошо видно первоначальное имя Константина Дмитриевича Левина — *Конст<антин> Ник<олаевич> Ордынцев*. Затем Толстой зачеркнул фамилию *Ордынцев* и заменил ее на *Нерадов*. Позже появился еще один вариант — *Ленин*. Такая же поправка была внесена тремя строками ниже, только там *Ордынцев* сразу был заменен на *Ленина*. Характер правки и цвет чернил в этом автографе указывают на то, что Толстой вносил исправления не сразу, а в несколько приемов.

«Анна Каренина».
Рукопись 12. Л. 1 об. Фрагмент

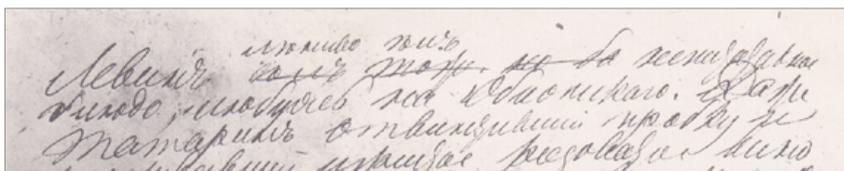
Особенно хорошо слои правки видны на л. 2 той же рукописи. Первоначальный текст занимает левую часть страницы, затем Толстой внес в него исправления, частично заняв новым текстом поля, и уже после зачеркивал написанное и делал новые поправки. В первой строке видно, что *Ордынцев* заменен *Лениным*. Эта поправка была внесена после того, как Толстой зачеркнул вставку на полях, первоначально начинавшуюся словами: «Ордынцев был молодой человек лет 30». На той стадии работы, когда *Ордынцев* был уже заменен *Лениным*, на полях появилась вторая вставка, начинающаяся словами: «Лицо Ленина [открыт<ое>] [ясное]». К самому последнему этапу работы относится помета на полях внизу — «Конст<антин> Дм<итриеви>ч Лев<ин>». Это обычный толстовский прием писания — делать пометы на полях, относящиеся к планам работы над текстом. В данном случае помета означает, что Толстой нашел окончательное имя для своего героя.

На л. 2 об. еще остался *Ордынцев*, замененный на *Ленина*, но на л. 3 в верхнем слое текста *Ордынцев* сразу заменяется *Левиним*.

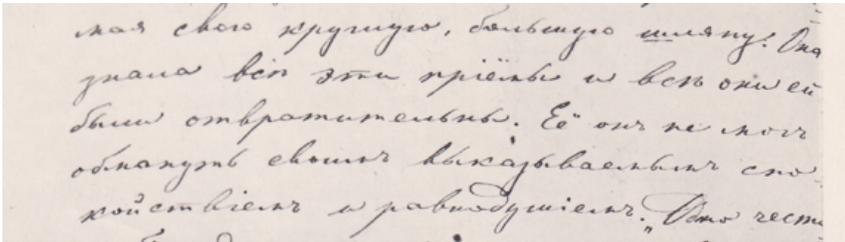
«Анна Каренина».
Рукопись 12. Л. 3. Фрагмент

На л. 9, относящемся к последнему этапу работы с этим автографом, видим уже только *Левина*.

«Анна Каренина».
Рукопись 12. Л. 9. Фрагмент

Характерной особенностью текстов, написанных рукой С. А. Толстой, является то, что она обычно обозначала букву «ё», и не только при обращениях ко Льву Николаевичу. Например, в письме от 4 сентября 1876 г.: «Милый мой Лёвочка, сейчас еду провожать Таню, и хотя у нас суета ужасная, я всё-таки так о тебе думаю <...>. Всё утро укладываемся <...> и Лёлин кашель меня тоже волнует и суетит» [Толстая С. А. 1936: 131]. Софья Андреевна следовала этому правилу в течение всей жизни. Так, письмо Толстому от 26 марта 1894 г. начинается фразой: «Второй день не опомнися, милый друг Лёвочка, от твоего отъезда», — и далее видим пример написания фамилии с буквой «ё»: «У нас всё по-старому; Лёва не решается выходить, хотя погода дивная: ясные дни стоят всё время с небольшим холодком. Вчера был Флёров, нашел Лёву всё таким же, скорее лучше» [Толстая С. А. 1936: 591, 592]. Эта орфографическая особенность отличает не только письма Софьи Андреевны. Делая копии с автографов «Анны Карениной», Софья Андреевна не изменяла своей привычке и очень часто писала «ё» в самых различных словах, например: «все эти приёмы», «Её он не мог обмануть», «он не думал ни о чём», «Возьму у Пармёныча дочь», но при этом «Лёвин» она не написала ни разу.

«Анна Каренина».
Рукопись 27. Л. 41 об. Фрагмент

Летом 1877 г. Толстой вернулся к работе над «Анной Карениной» и стал править текст публикации в «Русском вестнике», готовя его для первого отдельного издания романа, вышедшего в 1878 г. Помогал Льву Николаевичу в этой работе Н. Н. Страхов, избавлявший текст от типографских опечаток и иногда вносивший стилистические исправления, многие из которых были приняты Толстым [Можарова 2019]. Фамилия «Левин» многократно встречается в этой рукописи как в больших вставках, так и в отдельных поправках, и ни разу ни Толстым,

Значительную правку Толстой внес в начало главы XII части III, вписав новый текст между строк и заполнив им поля страницы. В конце предпоследнего абзаца отчетливо видно, как он исправил местоимение «его» на «Левина», а в самой последней строке вписанного текста в слове «ёканьями» четко обозначил букву «ё».

Приведенные текстологические доказательства позволяют с полной уверенностью утверждать, что фамилия героя романа «Анна Каренина» — «Левин». Так она напечатана во всех изданиях романа. Именно так она печатается и в новом академическом Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах [Толстой Л. Н. 2020]. Такова авторская воля. Если бы Толстой произносил фамилию своего героя «Лёвин», это непременно бы отметила в рукописях С. А. Толстая, обозначавшая букву «ё» в очень многих случаях, в том числе в словах, не несущих особой смысловой нагрузки.

Ценное свидетельство о совместной работе с Толстым над текстом «Анны Карениной» оставил Н. Н. Страхов: «Лев Николаевич твердо отстаивал малейшее свое выражение и не соглашался на самые, по-видимому, невинные перемены. Из его объяснений я убедился, что он необыкновенно дорожит своим языком и что, несмотря на всю кажущуюся небрежность и неровность его слога, он обдумывает каждое свое слово, каждый оборот речи не хуже самого щепетильного стихотворца» [Толстой 1939: 643]. Трудно представить, чтобы Толстой не заметил замены «Левина» на «Лёвина» или равнодушно к ней отнесся.

Кроме письменной традиции, существует еще и устная, передающая правильное звучание фамилии толстовского героя. Эта традиция семьи Толстых сохраняется сменяющимися поколениями сотрудников музеев Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и Москве. Старейший главный хранитель яснополянского дома Николай Павлович Пузин (1911–2008), поступивший на службу в музей в 1944 г. по приглашению внучки писателя Софьи Андреевны Толстой-Есениной, был секретарем старшего сына Л. Н. Толстого Сергея Львовича (1863–1947), автором и составителем книг о Толстом, редактором книги И. В. Толстого «Свет Ясной Поляны», — он произносил имя писателя «Лёв Николаевич», а фамилию его героя — «Левин». Так же называла Константина Левина и Л. Д. Громова-Опульская — ученица Н. К. Гудзия (1887–1965) и Н. Н. Гусева — редакторов 90-томного Юбилейного

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Этой традиции остаются верны и те, кто слышал и помнит их живые голоса — ученики и почитатели великого писателя. Поэтому возникающие время от времени попытки переименовать героя «Анны Карениной» и ранее не достигали успеха, и в будущем не будут находить сочувствия у тех, кто стремится по-настоящему изучать наследие великого русского писателя.

Список литературы

Источники

Вытронский Е. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Козельск: Изд-во Свято-Введенской Оптиной пустыни, 2000. 304 с.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 695 с.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: в 4 ч. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1854–1857. Ч. 1. 1854. 550 с.

Лернер Н. О. К «Собранию сочинений» К. Н. Леонтьева // Книга и революция. 1921. № 8–9. С. 119–120.

Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки Д. П. Маковицкого» (Литературное наследство; Т. 90): в 4 кн. Кн. 3: 1908–1909 (январь – июнь) / подгот. текста и примеч. Б. М. Шумовой и Т. Н. Волковой; ред. С. А. Макашин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина. М.: Наука, 1979. 512 с.

Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшур, Е. С. Серебровская. М.: АН СССР, 1955. 634 с.

Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / подгот. изд. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко и В. Ю. Шведова; вступ. ст. Т. Ф. Пирожковой; подгот. текстов Т. Ф. Пирожковой и О. Л. Фетисенко; примеч. Т. Ф. Пирожковой и В. Ю. Шведова. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 712 с.

В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнаники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии / сост. Е. В. Ивановой; изд. подгот.: А. П. Дмитриев, В. Н. Дядичев, Е. В. Иванова, Г. Б. Кремнев, П. В. Палиевский. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.

Русанов Г. А. Поездка в Ясную Поляну // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. 1. С. 294–308.

Русская хрестоматия: с русско-чешско-сербским словоуказателем / ред.-сост. П. А. Лавров, В. Н. Щепкин. Прага: Эдуард Валечка, 1894. 284 с.

Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого: М.: Книга, 1989. 503 с.

Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978.

Толстая С. А. Моя жизнь: в 2 т. М.: Кучково поле, 2011.

Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. 1862–1910 / ред. и примеч. А. И. Толстой и П. С. Попова. М.; Л.: ACADEMIA, 1936. 866 с.

Толстой И. В. Свет Ясной Поляны / предисл. С. Бондарчука. М.: Молодая гвардия, 1986. 287 с.

Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: Правда, 1987. 464 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Т. 20. 1939. 688 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Т. 61, 1953. 424 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958. Т. 71. 1954. 571 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2000–. Т. 11. 2020. 414 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. 704 с.

Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37–38. 776 с.

Толстой С. Л. Очерки былого. Тула: Приокское книжн. изд-во, 1965. 512 с.

Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. 518 с.

Чумаков В. Т. Ё в имени твоём. М.: Народное образование, 2004. 160 с.

Anna Karenina: two vol. / by Leo Tolstoy; transl. by Constance Garnett, with an introd. by A. Lunacharsky. Moscow, Goznak press, vol. 1, 1933, 476 p.

Anna Karenina / by Leo Tolstoy; transl. by Louise and Aylmer Maude; afterword by Ned Halley. London, Macmillan Collector's Library. New York, 2017, 1127 p.

Исследования

Ардэнс Н. Н. Творческий путь Л. Н. Толстого. М.: Изд. АН СССР, 1962. 680 с.

Громова-Опупьская Л. Д. Выступление на заседании Общества любителей российской словесности. 28 октября 2003 года // «Толстой — это целый мир»: Статьи и исследования. М.: Пашков дом, 2004. 200 с.

Гудзий Н. К., Жданов В. А. Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232–242.

Можарова М. А. Из истории изучения рукописей романа «Анна Каренина». По материалам архива Л. Д. Громовой-Опупьской // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ, 2019. Вып. 2. С. 492–502.

Можарова М. А. «Я ждал от него приведения меня к вере»: А. С. Хомяков и религиозные искания Л. Н. Толстого // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 70–89.

Упоров А. А. Проблема «Л. Н. Толстой и К. Н. Леонтьев»: история и перспективы изучения // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 3. С. 269–277.

Klimoff A. Is it “Lévin” or “Lëvin”? *Tolstoy Studies Journal*, 1999, vol. XI, pp. 108–111.

Nabokov V. *Lectures on Russian Literature*. London, New York. Harcourt Brace Jovanovich, 1981. XVII, 324 p.

Thorlby, Anthony. *Leo Tolstoy: Anna Karenina* / Anthony Thorlby. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1987. XI, 114 p.

References

Ardens, N. N. *Tvorcheskii put' L. N. Tolstogo* [*The Creative Path of L. N. Tolstoy*]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 680 p. (In Russ.)

Gromova-Opuškaia L. D. “Vystuplenie na zasedanii Obshchestva liubitelei rossiiskoi slovesnosti. 28 oktiabria 2003 goda” [“Speech at a Meeting of the Society of Lovers of Russian Literature. October 28, 2003”]. “*Tolstoi — eto tselyi mir*”: *Stat'i i issledovaniia* [“*Tolstoy is a Whole World*”: *Articles and Research*]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2004. 200 p. (In Russ.)

Gudzii, N. K., Zhdanov V. A. “Voprosy tekstologii” [“Textual Issues”]. *Novyi mir*, no. 3, 1953, pp. 232–242. (In Russ.)

Mozharova, M. A. “Iz istorii izucheniia rukopisei romana ‘Anna Karenina’. Po materialam arkhiva L. D. Gromovoi-Opuľskoi” [“From the History of the Study of ‘Anna Karenina’ Manuscripts. Based on Materials from L. D. Gromova-Opulskaia’s Archive”]. *Ot istorii teksta k istorii literatury* [From the History of Text to the History of Literature], vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 492–502. (In Russ.)

Mozharova, M. A. “‘Ja zhdal ot nego privedeniia menia k vere’: A. S. Khomiakov i religioznye iskaniiia L. N. Tolstogo” [“‘I Expected Him to Lead Me to Faith’: A. S. Khomyakov and Religious Pursuits of L. N. Tolstoy”]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 1 (4), 2021, pp. 70–89. (In Russ.)

Uporov, A. A. “Problema ‘L. N. Tolstoi i K. N. Leontiev’: istoriia i perspektivy izucheniia” [“The Problem of ‘L. N. Tolstoy and K. N. Leontiev’: History and Prospects of Study”]. *Tolstoi i o Tolstom. Materialy i issledovaniia* [Tolstoy and About Tolstoy. Materials and Research], vol. 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 269–277. (In Russ.)